

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

ВСЕ ТОТ ЖЕ СОН

Георгий Цеплаков. Ангелы и торговля: Сборник стихотворений. – М.: Издательство «СТИХИ», 2018. – 90 с. с илл. – (Серия «Срез». Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт». Книга девятая).

«Ангелы и торговля» в аннотации представлены как «первый в русской литературе сборник офисной готической поэзии». И тут же назван лирический герой Георгия Цеплакова – «клерк поэзии». Первое определение кажется забавным, с легким вызовом, который помимо очевидного объявления захвата «новых земель» ненароком добивается снижения градуса возникшего на ровном месте пафоса (понятно, что готики в чистом виде я в книге не обнаружил), второе – поначалу таким же оксюмороном, но сказанным всерьез и оттого тактически менее верным.

На первый взгляд, персонаж ряда стихов в книжке – офисный работник, бывает что фрилансер, но чаще служащий, ему даже сны снятся «всё те же», как какому-нибудь Хворобьеву. И пробуждение не сулит ему ничего нового. С другой стороны, заметно, что перед нами разыгрывается спектакль. Есть если не сквозной сюжет, то общий фон и единая карта по большей части вымышленного, но вполне узнаваемого настоящего обжитого пространства. А со временем дело обстоит гораздо сложнее.

И как на картинах
Моне или Писсарро,
скрываемых по запасникам,
неровный строй
новорожденных живых пятен,
называемых первоклассниками,
расплывчат, невнятен,
деревянно и буратинно,
протыкая собой холст улиц,
под только что выключенными фонарями
движется с букварями.

(«Школьный базар»)

Случается, читая книгу, ловишь себя на ощущении, что в стихах, довольно интересных и искусно сделанных, слышна чужая интонация. Так порой бывает с переводами, даже у набивших руку поэтов. А что если такое заимствование является авторским замыслом? Мешает ли это читателю, вредит ли это текстам? Здесь же отчетливо чувствуется, что время действия в стихах немножечко не свое, а как бы взятое напрокат из другой эпохи, использованное в качестве своеобразной подпитки, и к нему подогнаны и повествовательная манера, излишне подробная, с искусственными деталями, проговариваемыми для антуража, и даже ритмический рисунок некоторых текстов, напоминающий то сконструированные ранние баллады Гумилева, то Галчинского в переложении Бродского, то пародии на самого Бродского и на циклы Элиота. Ближе к концу книги присутствует авторизованный перевод известного стихотворения Джона Донна «Прощание, запрещающее скорбь», что только подтверждает общее впечатление.

Похожи наши две души,

Как ножки циркуля в кругу,
Мы вместе двигаться спешим –
Ты в центре, я черчу дугу.

...

И где б мне быть ни довелось,
Ты сможешь линию замкнуть
И сохранить недвижимой ось,
Чтоб я, начав, окончил путь.

(«Прощание, запрещающее скорбь»)

Получается, что «клерк поэзии» герой не столько лирический, сколько герой маскарадный, ряженный. И якобы точная прописка его «радости из-за угла», «тщательно сдерживаемого гнева», «плохо скрываемого страха», «ликования, запрещающего печаль» (названия разделов сборника) в «эмоциональном аду рядового жителя среднего класса» (опять-таки цитата из аннотации) – хорошо продуманная легенда для исследователя наполовину волшебного офисного мирка или, попросту говоря, шпиона.

Шпион этот вероятнее всего родом из Старого Света, см. «Мимолетные воспоминания», «Школьный базар», «Чернильный Четверг», да и другие стихи из сборника, отсюда эта предзакатная атмосфера начала прошлого века, в которой барахтаются и тонут персонажи и события нулевых уже нынешнего тысячелетия.

Как актеры детских сказок черно-белых,
Или ветераны наступлений смелых,
Через десять лет иль через пять
Олигархи станут умирать.

На последних яхтах, чинно, друг за другом
В Реку Смерти съедут дружным длинным цугом,
Флаг поднимут белый в лондонских туманах,
И пойдут поминки в гулких ресторанах.

(«Мимолетные воспоминания»)

Отсюда и кинематографическая эпичность выстраиваемой картинки, где мертвая туша почти что библейского чудовища, бегемота по кличке Алмаз в екатеринбургском зоопарке, превращается в бутафорию на аптекарских весах смены вех («Смотреть на гиппопотама»), заставляя вспомнить носорога из феллиниевского шедевра «И корабль плывет». Звери, впрочем, в текстах появляются часто – и как отсылка к конкретному литературному источнику, и как прием из поэзии нонсенса, но в изводе кэрролловской «Алисы».

Новые времена в стихотворениях вроде «О смертности в офисах» не слишком убедительны и пугают, отрабатывая знакомые схемы саспенса на непривычном поле. Выходит, что если рассматривать весь корпус стихотворений в книге как метатекст, получается такой роман в стихах, со всеми признаками и издержками этого жанра, включая смерть авторского «я», трансформированного в безликое «мы».

Ясно небо и пасмурно пополам,
мы безмолвны, красноречивы ноты.
Но в серьёзной и нежной наивности нам

не избавиться от остроты.

Мёрзлый воздух тёплым дыханьем согрет,
небо манит, и мы киваем согласно.
Календарь шелестит, и разницы нет,
день ли красный иль просто вечер прекрасный.

(«Вот птенец отделяется от гнезда...»)

Луч света из стихотворения «Пролог», прошедший череду превращений, становится булавкой, в финальном тексте приколовшей к стене завершающийся календарь. Все ружья, висевшие на стене, в обязательном порядке стреляют. «Неожиданно кончился пир. / кубик собран, шарик улетел. / Обезьяна дописала «Войну и мир», / Лев зевнул, леденец захрустел».